

Столяров А.Г.

Критика философского догматизма и критицизма в концепциях логико-гносеологической школы Санкт-Петербургской духовной академии в середине XIX – начале XX вв. (на примере учений А.Е. Светилина и М.И. Каринского)

А.Г. Столяров

Аннотация. Философские исследования, проводимые в Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) в середине XIX – начале XX вв., вместе с онтологией, историософией и антропологией включали в свою предметную область вопросы познания, психологии и логики. Характерной чертой взглядов учёных-теистов, работавших в поле данной проблематики, было неприятие философского догматизма, крайностей рационализма и эмпиризма при построении и изложении гносеологических и логических концепций. Русские философы-преподаватели СПбДА создавали свои оригинальные учения, дискутировали с ведущими отечественными философами-современниками, использовали собственные наработки в учебном процессе.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, логико-гносеологическое учение, А.Е. Светилин, М.И. Каринский, индукция, дедукция, самоочевидные истины, рационализм, эмпиризм, критицизм

Русская философская традиция представляет большой интерес для современных исследователей, занимающихся её интерпретацией, систематизацией обширного материала и определением места в российской и европейской философской науке. Долгое время работы русских философов в достаточной мере не освещались и не анализировались в научных кругах – отчасти из-за того, что большинство из них велось внутри духовных центров дореволюционной России.

В отличие от европейских философских школ, которые существовали и развивались при университетах, в России, в связи с негативным отношением правительства к философии, с середины XIX в. для развития этой науки наиболее благоприятные условия остались лишь в духовных академиях. Основная часть исследований проводилась в стенах академий и при этом изредка освещалась в периодических изданиях. После революции православные философские школы и всё накопленное ими научное знание оказались невостребованными. Оригинальные идеи русских философов-теистов, нашедшие применение уже в работах советских учёных, нередко вырывались из контекста, преподносились однобоко и в искажённом виде. Исторические исследования русской философии, проводимые в этот период, находились под идеологическим влиянием и не могут считаться до конца объективными.

В настоящее время мы имеем возможность заново открыть и осознать широту взглядов и глубину понимания философских проблем представителями духовно-академической традиции. В последние десятилетия интерес к изучению этого периода русской философии (середина XIX – начало XX вв.) сильно возрос. На начальном этапе исторических исследований этого периода, датируемых ещё началом XX в., преваляло мнение о преобладании в работах русских философов-теистов антропологической, онтологической и историософской проблематики (В.В. Зеньковский)¹.

Но со временем понимание стоящих перед русскими мыслителями философских проблем изменилось – стало очевидно, что вопросам логики и гносеологии в духовных академиях уделялось не меньше внимания (В.А. Бажанов, Б.В. Бирюков, В.Ф. Пустарнаков и другие)². В конце XX – начале XXI вв. исследования развития философской мысли в контексте духовно-академического теизма продолжили такие учёные, как И.В. Цвык³, А.В. Шевцов⁴ и С.В. Пишун со своими учениками А.Г. Сахатским, И.В. Гунькиным, В.Ю. Пинчук, Д.В. Леонидовым и другими⁵.

Основные источники, которыми мы располагаем, – это сохранившиеся в оригинале и хранящиеся в фондах центральных библиотек документы и периодические издания XIX–XX вв. (рукописи, письма, конспекты, выпускные сочинения, журналы «Вопросы философии и психологии», Министерства Народного Просвещения, «Православное обозрение», «Христианское чтение», «Вера и Разум» и так далее). Также имеется подборка книг, философских трудов, учебников и сборников лекций самих преподавателей духовных академий (Ф.Ф. Сидонского, В.Н. Карпова, А.Е. Светилина, М.И. Каринского, Н.Г. Дебольского и других), занимавшихся вопросами логики и гносеологии. Помимо этого, интересны отзывы, ссылки и упоминания русских философов в работах их современников, учеников и критиков (А.И. Введенского, Д.П. Миртова, Э.Л. Радлова, В.С. Серебренникова, Н.О. Лосского и других)⁶, а также более поздних исследователей (В.Ф. Асмуса, В.А. Бажанова, Б.В. Бирюкова, Е.К. Войшвилло, С.И. Поварнина, П.С. Попова, Н.И. Стяжкина, П.В. Таванец и других)⁷.

В данной статье мы проведём реконструкцию процесса становления логико-гносеологической школы Санкт-Петербургской духовной академии, сделаем попытку интерпретации существовавших в ней концепций, проанализируем развитие идей и результаты работы профессоров Александра Емельяновича Светилина и Михаила Ивановича Каринского.

Следует отметить, что после реформирования и открытия академии в 1809 г. среди её преподавателей и выпускников было немало талантливых и оригинальных учёных. Первые философские курсы опирались на догматику православия и святоотеческую литературу с одной стороны, а с другой – на богатую философскую традицию Западной Европы. Большое влияние на преподавание философии в Санкт-Петербургской духовной академии оказала немецкая идеалистическая философия, так как одними из первых преподавателей в ней стали приглашённые профессора-немцы Игнатий Аврелий Фесслер и Иоганн фон Горн, получившие философское образование на родине и оказавшие значительное влияние на формирование научных взглядов у русских философов-теистов. По словам А. Никольского, «эти профессора дали солидную постановку философии в Петербургской академии, воспитали целый ряд деятелей для занятия профессорских кафедр философии в других академиях»⁸. Современный исследователь русского академического теизма С.В. Пишун также показал значительность их вклада: «В целом европейские и главным образом немецкие профессора заложили основы научной школы в Санкт-Петербургской духовной академии, что особенно характерно для философских наук»⁹. Указанные немецкие учёные подготовили к преподаванию философии таких заметных православных теистов как В.И. Кутневич, Т.Ф. Никольский, И.Я. Ветринский, Ф.Ф. Сидонский и др.

Таким образом, достаточно глубокое понимание учений Канта, Гегеля и их последователей позволяло русским учёным свободно ориентироваться в современном им мире развития философской мысли. Однако постановка проблем и проработка вопросов в СПбДА зачастую имели критический характер по отношению к западноевропейскому идеализму, и в немалой степени это относится к теории познания, логике и психологии. Очевидно, что краеугольным камнем в этом споре выступала сущность самого сознания человека, наличие в нём априорных, самоочевидных истин, способность к познанию вообще. Законы познания и мышления, описываемые логикой, как это ни удивительно, не были тождественны в различных философских системах.

После смерти в 1867 г. известного философа и преподавателя В.Н. Карпова, кафедру логики и психологии в Санкт-Петербургской духовной академии возглавил его приемник Александр Емельянович Светилин (1842–1887). Вклад его в развитие

науки о познании в СПбДА, помимо преподавательской деятельности, достаточно значителен. В первую очередь – это его «Учебник формальной логики», переживший четырнадцать изданий в период с 1870 по 1916 гг.

В отличие от своего предшественника, В.Н. Карпова, при разработке своего курса логики Светилин обращается к западной традиции, признавая, хоть и с замечаниями, ценность классического немецкого подхода к рассмотрению законов мышления: «Было бы, однако, слишком поспешно заключать отсюда, что логические работы, предпринимаемые в направлении субъективно-формальной логики, должны утратить всякую научную ценность...»¹⁰. Отсюда кажется понятным использование Светилиным, как основы, учебного пособия Линднера «Логика», которое «считается лучше учебною книгою логики на немецком языке». При этом русский философ всё же «не везде счёл возможным следовать Линднеру»¹¹.

Не следуя по тому же пути, что и В.Н. Карпов, Светилин разграничил логику и психологию, оставляя за последней право изучать «естественные законы», но не «нормальные», призванные «достигать правильного результата»¹². Автор развивает эту мысль – «психологическая законность какого-либо акта мышления совершенно различна от законности логической»¹³, что показывает его собственную позицию в этом вопросе.

Но наиболее интересной нам кажется полемика с другим питомцем СПбДА – профессором философии, ректором Санкт-Петербургского университета Михаилом Ивановичем Владиславлевым, проходившая на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» в 1874–1875 гг. Учебник Владиславлева «Логика», вышедший в 1872 г., в образовательных учреждениях России того времени считался лучшим. Тем не менее, Светилин подробно разобрал и подверг критике некоторые части этого труда. Из этой полемики можно понять взгляды на логику самого Светилина, а также увидеть проблемные вопросы, существовавшие в период становления этой науки в России второй половина XIX в.

В первую очередь, критике подверглось игнорирование Владиславлевым в историческом очерке ряда значительных, по мнению Светилина, учёных – Гегеля, Тренделенбурга, Ибервега¹⁴. Причиной является, как нам кажется, ориентированность русского философа на современных ему мыслителей-логиков, то есть на последние достижения немецкой постгегелевской философии. Учебник же оказывается «произведением поучительным и общедоступным, которое читается легко и может принести пользу читателю, даже мало привычному к умственным занятиям, требующих напряжения», и также в котором «автор занимается изложением только таких приёмов мышления, практическая годность которых в науке и в жизни есть вещь доказанная, не обращая внимания на то, в какой степени эти приёмы сложны, и из каких элементов они состоят»¹⁵.

И далее, Светилин продолжает критиковать автора за упрощение курса логики, сделанного в угоду доступности. Даже те положительные начинания, будь то – психологическое введение или понятие «состоятельности» мышления, у Владиславлева оказываются раскрыты поверхностно или неточно. Причём, на неточности Светилин указывает как фундаментальные (отношение деятельности мышления к любой деятельности рассудка), так и частные (например, неточный перевод термина «consistency», вносящий путаницу в формулировку логических законов)¹⁶. Такой же критике подвергаются двусмысленности, возникающие при попытке анализа понятий, используемых Владиславлевым для определения и формулирования основных логических законов. Светилин показывает их размытость и противоречия, появляющиеся при анализе¹⁷.

Не обходит стороной православный философ и основную часть «Логики», посвящённую элементарным формам мышления – понятию, суждению и умозаключению. «Что такое понятие, как психологический факт, как состояние духа? Есть ли это отдельная мысль, которая сознаётся одним актом сознания, или же это целый ряд мыслей, сознаваемых преемственно и соединённых между собою только общностью, или единством предмета? На эти вопросы не ищите ответа в логике. Логика учит не о том, как мыслится понятие, но о том, *Продолжая критику, Светилин в полной мере раскрывает свои взгляды на логику, разбирает и отстаивает научные*

Продолжая критику, Светилин в полной мере раскрывает свои взгляды на логику, разбирает и отстаивает научные воззрения авторов и их наработки, служащих первоисточниками и исходным материалом для построений Владиславлева. Так, дойдя до разбора индуктивной логики, Светилин указывает на неточности, допущенные последним при переработке идей ведущих исследователей в этой области – Д.С. Милля и А. Бэна. Сравнивая указанных авторов между собой, Светилин указывает на отличие их взглядов, в том числе – на более точные формулировки, систематику, «стремление сводить концы с концами», присутствующие у английского логика А. Бэна¹⁹. Найдя ряд выдержек из трудов этого учёного в «Логике» Владиславлева, Светилин делает неутешительный вывод: «Не можем не пожалеть, что г. Владиславлев отнесся к этому писателю довольно небрежно»²⁰.

По нашему мнению, критика Светилиным учебника Владиславлева происходит от того, что оба этих автора имели разный подход и разные цели изложения своих взглядов. Различные интерпретации одного и того же, неверная акцентуация, философские спекуляции, «недоразумения, промахи и уловки» – суть и содержание полемики между православным философом Светилиным и «почтенным профессором» Владиславлевым.

Более интересным для нас является само возникновение этого противоборства мнений, свидетельствующее о становлении в России XIX-го века логики как полноценной науки. И процесс этот происходил как в университетской научной среде, так и в стенах духовных академий. В свою очередь, полемика показывает, насколько были разные подходы в философских исследованиях, проводимых в светских и духовных учреждениях. Основание позиции Светилина ясно видится в утверждении: «Я смотрел на труд г. Владиславлева не как на педагогическое пособие, но как на учёное исследование, в котором, по моему мнению, не должно быть ничего, что не имело бы более или менее существенного отношения в его главной задаче»²¹. Это резюме является показательным для понимания уровня поднимаемых философских вопросов в Санкт-Петербургской духовной академии. Исследования, проводимые в ней, носили истинно философский характер. И относится это не только к области метафизики и этики, но также и к вопросам познания, психологии и логики. Обладая высоким уровнем компетентности и широтой научного кругозора, православные философы могли вести диалог с представителями философских дисциплин, а также создавать свои оригинальные учения.

Одним из самых ярких философов, преподававших в СПбДА и проводивших в её стенах свои исследования, без сомнения можно считать профессора, доктора философии Михаила Ивановича Каринского (1840–1917). Этот учёный сделал значительный вклад в развитие теории познания и её основного методологического инструмента – логики. Следует отметить, что влияние его идей распространилось не только внутри академии, но также в российской и советской философской науке.

Каринский обучался в Московской духовной академии у одного из выдающихся русских православных философов – профессора В.Д. Кудрявцева-Платонова. Образование включало в себя, в числе остального, глубокое изучение античной философской традиции на языке оригинала. Поэтому фундаментом дальнейших исследований Каринского можно считать именно построения античных философов: «Самым древним направлением в философии было ионийское. Оно подняло самые элементарные философские вопросы, с его историей связано возникновение других направлений, с ионийского направления и должно начать изложение истории философии»²².

Обладая выдающейся эрудицией и философской интуицией, Каринский становится глубоким и оригинальным историком философии. Так же, как и его предшественник В.Н. Карпов, Каринский свободно ориентируется в концепциях первых философов, тщательно их разбирает и интерпретирует. Не случайно в числе первых его произведений выходят: «Египетские иудеи» (1870), статьи об Аристовуле (1876); «Апполоний Тианский» (1876); «Тёмное свидетельство Ипполита о философе Анаксимене» (1881); «Связь философских взглядов с физико-астрономическими в древнейший период греческой философии» (1883); «Лекции по истории древней философии» (1885); «Бесконечное Анаксимандра» (1890) и др.

С самого начала научной деятельности русского философа волновали вопросы познания, обоснованности этого познания, логической достоверности

получаемого нового знания. В одном из самых значительных из своих трудов, «Бесконечном Анаксимандра», Каринский пытается по-новому осмыслить понятие бесконечного, причём именно в гносеологическом смысле. В анализе произведения выделяется проблема отношения психики и бесконечного многообразия явлений мира. Оригинальной интерпретацией взглядов античного философа Анаксимандра можно считать идею о «выделении», или о «происхождении» конкретного из бесконечного²³. «Выделение» оказывается тесно связанным с условиями процесса мышления и происходит по определённым правилам логического вывода. В своей работе Каринский постоянно ссылается на Аристотеля, который также занимался изучением и осмыслением учения Анаксимандра, но при этом русский философ находит многие неточности и старается найти выход из возникающих противоречий.

Помимо глубокого знания и понимания учений древности, Каринский исследует работы современных ему авторов, акцентируя внимание на гносеологической проблематике. Эти исследования привели русского учёного к пониманию наличия «белых пятен» и множества противоречий в современных ему философских течениях. Пройдя стажировку в 1871–1872 гг. в Германии, где он стажировался в университетах Йены и Гёттингена, слушал лекции знаменитых профессоров К. Фишера, Р.Г. Лотце и других, Каринский готовит отчётную работу «Критический обзор последнего периода германской философии», с которой начинается в его творчестве последовательная критика существующих концепций и разработка собственного учения.

В первую очередь, критике Каринского подверглись философские учения, имеющие в основании абстрактное, идеалистическое начало и выстроенные с помощью спекулятивного, рационалистического метода. К таким он отнёс учения Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Гегеля, Тренделенбурга, Гербарта и других. Им Каринский противопоставляет скептицизм, который основным источником получения знания считает опыт. К последнему русский философ относил также и эмпиризм Нового времени, то есть учения Бэкона и Локка, агностицизм Юма, а также современный ему позитивизм всех видов – системы Милля, Конта, Спенсера и так далее.

Основная критика рационализма в целом приходится на его догматизм, априоризм, «искусственную допустимость». Так, Декарта и Спинозу Каринский критикует за стремление решить основные гносеологические проблемы путём постулирования божества и стремления вывести логическим путём из данного понятия всё разнообразие форм действительности. Подобный путь Каринский считает порочным: «Но кто заключил бы отсюда, что всякое познание действительности должно для человеческой мысли быть выводом из наших идей о первоосновании, тот допустил бы не менее великую ошибку. Против него свидетельствовала бы столько же история его собственной мысли, сколько и история научного развития человечества»²⁴. Для решения вопроса о реальной действительности, о её познаваемости нельзя идти от спекулятивного метода мышления.

Учение Канта, которое в последствие привело к появлению критического рационализма и иррационализма, в своей работе «Об истинах самоочевидных» Каринский последовательно критикует за догматизм и «искусственную допустимость» – из-за невозможности проверки его разумом до самых оснований²⁵.

Высоко оценив принцип развития у Гегеля, Каринский, тем не менее, справедливо указывает на гносеологическую несостоятельность понятия идеи Абсолютного разума: «То, чему Кант давал значение лишь форм мысли, Гегель превратил в содержание, в реальную основу всякого бытия; ряд отвлечённых логических понятий должен был в этой философии, говоря словами Гегеля, представлять истину, как она есть сама в себе без покрова. Гегель именно вопрос о бытии поставил на то место, которое должно было принадлежать ответу на него»²⁶.

Также не устраивали Каринского и методы эмпирические, так как в исследованиях того времени логические законы часто смешивали с психологическими феноменами, что приводило к понятийной путанице. По мнению русского учёного, необходимо разграничить предметы исследования логики и психологии, чтобы избежать ошибочных умозаключений. Правильный подход «может объяснить, почему человек верит определённым положениям, почему он в действительных заключениях

своей мысли действует так, а не иначе, но логически они не оправдают положений, которым верит мысль. Психологические объяснения веры нужно остерегаться смешивать с логическими объяснениями её оснований»²⁷.

В своих работах «Об истинах самоочевидных» и «Явление и действительность» Каринский показывает, что основанием построения любого знания, чтобы считать его состоятельным, должен быть ряд так называемых «самоочевидных истин», то есть исходных посылок, аксиом. Проанализировав рационализм и скептицизм, Каринский пришёл к выводу, что достоверность самоочевидных истин в них не доказана, и что оба эти направления являются идеализмом, так как «проводят порубежную черту между тем, что может быть доказываемо и между тем, что нет – между тем, что может открыть наука и между тем, что нет»²⁸. Самоочевидные истины должны иметь отношение к реально существующему, материальному и познаваемому миру. На них, с помощью правильно построенной теории, и должно базироваться это познание. Поэтому необходима последовательная критика всех существовавших до этого времени учений, так как «... над метафизическими системами история произнесла свой строгий приговор. Приговор высказался в простом, но убедительном факте: тысячелетние усилия философского гения оказались недостаточны даже для того, чтобы установить философскую науку на прочном основании и лишить скептицизм права сомневаться в возможности самого её существования»²⁹. Каринский, характеризуя положение дел в современной ему философии и путь, по которому она развивалась, заключает: «Одним словом философия очевидно взялась за постройку дома, для которого не доставало фундамента, начала дело не с начала, а с конца»³⁰.

Ещё одним открытым гносеологическим вопросом Каринский считал проблему вывода, то есть получения нового знания из уже имеющегося. В своей докторской диссертации «Классификация выводов» он пишет: «Суждений, которые не нуждаются ни в каком доказательстве, или так называемых аксиом, очень немного. Суждений, которые служат простым, точным выражением наблюдаемых фактов, правда, бесчисленное множество; но они редко входят непосредственно в системы наук в качестве научных положений; по большей части они служат только посылками для вывода научных истин. Почти всё содержание знания составляют суждения выводные, так что вывод по всей справедливости можно назвать той формой нашего убеждения в истине, которая всего чаще применяется в науке»³¹.

Интересно мнение Э.Л. Радлова, оценившего главный труд русского логика на момент выхода из печати: «Едва ли можно сомневаться в том, что „Классификация выводов“ г. Каринского есть единственное вполне оригинальное сочинение по логике на русском языке»³². Оригинальность работы в том, что она возвысилась над исследованиями всех предыдущих учёных-логиков, обобщила и обогатила научное знание, явилась фундаментом для построения будущих типов логики.

Каринский подтверждает последовательной критике существовавшие правила вывода умозаключений в различных видах логики: «Все системы логики можно разделить на две большие группы, смотря по отношению их к учению о силлогизме. Одни из них считают силлогизм за вывод и принимают, говоря вообще, Аристотелеву классификацию его, другие отрицают значение силлогизма как вывода. Мы должны особо рассмотреть каждую из этих групп и сверх того отметить недостатки, общие им обеим»³³.

Учёный проводит последовательный и тщательный анализ и сравнение индуктивных и дедуктивных методов. Он признаёт справедливой данную классификацию, так как она относится к самому возникновению логики. Любое умозаключение выводится или через силлогизм, или через индукцию, таким образом существуют два основных класса выводов – это основы учения Аристотеля. Он же установил и основание этого различия: индукция противоположна силлогизму, так как силлогизм чрез посредство среднего понятия показывает принадлежность высшего понятия третьему (то есть низшему), а индукция чрез посредство третьего понятия показывает принадлежность высшего среднему. «Проходя чрез всю историю логики, этот взгляд находит замечательных представителей и в литературе нового времени. Только противоположность индукции силлогизму характеризуется теперь определеннее как противоположность выводов от частного к общему выводам от общего к частному»³⁴.

Проводя исследование индуктивной логики, Каринский главным образом рассматривает учение Д.С. Милля. При тщательном сравнении, казалось бы, различных подходов к выводу и доказательству, становится понятным, что во многих местах они совпадают. Так, например, различие между полной индукцией и силлогизмом по третьей фигуре полностью пропадает, что даёт повод усомниться в общезначимости силлогизма. Недостаточную убедительность силлогизма Каринский усматривает также в том, что Аристотель под средним понятием имел в виду среднее в порядке логического подчинения, но не посредствующее. Также это среднее понятие относилось и к первому положению, и к третьему. Если же «мы уничтожим такую двусмысленность термина “среднее”, то противоположность индукции силлогизму тотчас же исчезнет»³⁵.

Он заключил, что всякий раз ошибочно вводятся допущения по подобию: событию А предшествует В, но при этом мысленно подразумевается «допустим», «считаем» и т.д. Но раз имеет место такое нестрогое положение дел, то можно заключить, что иногда силлогизм вполне может сближаться с индуктивными рассуждениями. Каринский утверждал, что в вышеназванных случаях, благодаря оговоркам и допущениям, можно говорить о гипотетических выводах. Поэтому на базе логики сличения предикатов, которая образует отрицательные выводы, Каринский выстраивает оригинальную научную теорию. Как справедливо замечает русский учёный, Аристотель только выводы по первой фигуре силлогизма признавал совершенными, а по остальным двум – несовершенными, которые при этом находят своё завершение лишь по первой фигуре. К возможности изменения модуса суждений (от силлогизма к индукции) Каринский добавил требование называть положительным факт сличения, когда такое сличение на основе тождества есть сличение на основе тождества субъектов. И назвать отрицательным решением, вообще говоря, характерным для тех случаев, при которых сличение происходит на основе предикатов. Это является одной из центральных идей логики Каринского.

Большое внимание Каринский уделяет теме причинности: «Милль в своей логике доказывает, что для достижения точного заключения по этой формуле недостаточно наблюдать одновременное изменение в двух явлениях; для этого, кроме того, требуется знать, что другие, современные этим явлениям, факты остаются неизменными за то время, когда два изучаемых явления испытывают ряд параллельных изменений»³⁶. Оригинальной разработкой русского учёного является также определение и исследование агрегата, то есть составного понятия.

Подводя итоги, Каринский писал: «озирая все пересмотренные нами модификации умозаключающей деятельности, мы можем, по-видимому, прийти к тому выводу, что процесс умозаключения есть решение вопроса о праве перенести один из элементов одного суждения на соответствующее ему место в другом суждении, – решение, которое мотивируется или тожеством, или противоречием между остальными элементами тех же суждений»³⁷. Здесь Каринский развивает фундаментальную тему своей теории познания: он строит наброски к теории сознания, для этого выделяет такие центральные понятия, как «перенос», «сличение», логика «субъекта» и «предикатов». Некоторые исследователи его творчества, например, И.М. Чубаров, обнаруживают зачатки феноменологии, в полной мере развитой Э. Гуссерлем только через несколько лет³⁸.

Вообще, учение Каринского стремится установить гармонию, устранить противоречия между различными взглядами на логику и на познание. Конечной целью он видит описание реального мышления и законов реального мира. Логика – это наука о познании, «которое имеет своим предметом всё существующее и своей задачей – познание этого существующего так, как оно существует»³⁹.

В своей статье «Логика» Каринский разделяет суждения по различному характеру того, что познаётся в предмете, на три рубрики: «1) мы можем в суждении выразить убеждение в действительном существовании предмета; 2) мы можем рассматривать предмет так, как он есть сам по себе без отношения к другим предметам, и 3) в отношении к другим предметам»⁴⁰. В этом сама суть воззрений русского философа, стремящегося применить философские спекуляции к материальному миру. Однако здесь он делает оговорку: «Всё существующее может быть дано в нашем

Религиозная философия

представлении тоже как образ (открытый произвольному истолкованию, например, в контексте психического), а не как само бытие», но при этом «подлинно существующее не зависит от нашего образа о нём, оно только отражается в этом представлении»⁴¹.

Эти положения дали повод последующим поколениям логиков считать взгляды Каринского материалистическими. Особенно заметно это в частых упоминаниях и ссылках на русского учёного в трудах советских логиков. Так, в учебнике «Логика» под редакцией П.В. Таванец мы встречаем: «Большая заслуга в развитии науки логики принадлежит великим русским материалистам Ломоносову, Радищеву, а также идеологам революционной демократии XIX в. (Герцену, Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву, Шелгунову и другим), великим русским материалистам-естествоиспытателям (таким, как Сеченов, Тимирязев) и учёным-логикам (Каринскому и другим), боровшимся против идеалистического понимания законов и форм мышления, отстаивавшим материализм в логике»⁴². Подобная оценка, хоть и отмечает заслуги учёного перед наукой, но всё же имеет идеологическую окраску. Взгляды Каринского основывались на теистическом восприятии мира, которое также признаёт реально существующим материальный мир, но при этом всегда помнит о бытии трансцендентном. Логика у него выступает как метод и критерий достоверного познания, оставаясь частью теистической гносеологии.

Работы М.И. Каринского содержат много передовых для своего периода мыслей и разработок, которые ещё нуждаются в тщательном изучении и в наше время. Эрудированность и проницательность ставят этого учёного в один ряд с самыми яркими мыслителями-современниками, а его оригинальные идеи оставили след в отечественной логической и философской науке.

Проведя обзор исследований, проводимых русскими философами в стенах духовных заведений, в частности – в Санкт-Петербургской духовной академии, можно с уверенностью сказать, что при своей самобытности они заслуживают место среди передовых философских работ своего времени. Ключевой особенностью этих исследований было стремление следовать строгому научному методу, применяя последовательную критику и отвергая принятие каких-либо допущений и гипотез за аксиомы. К положениям теизма русские мыслители обращались только в вопросах, которые в других философских системах считались принципиально неразрешимыми в рамках возможного человеческого познания. На примере таких представителей академического теизма, как А.Е. Светилин и М.И. Каринский, мы показали степень развитости гносеологии, являющейся частью отечественного «любомудрия», и соответствие её уровня передовым концепциям западной философской мысли. Русские учёные обладали глубокими знаниями и пониманием истории философии, проводили сравнение и критический анализ современных им учений. При этом они всегда старались избегать крайностей – как рационализма, так и эмпиризма. Достижения одного ни в коем случае не должно противоречить другому, а особенно – фактам реально существующего окружающего мира. Удивительным также кажется то, как сочеталась религиозная догматика со строгими научными построениями и критическим анализом. В работах православных философов оба эти знания не противоречат, но скорее дополняют друг друга. При этом, как показано С.В. Пищуном на примере критики начинающего оформляться в то время эмпириокритицизма: «Попытка Авенариусом занять “примирительную” позицию между материализмом (“физиологизмом”) и идеализмом, его желание соединить разнородные, если не противоположные учения и взгляды, вызвала стойкое неприятие российских православных теистов»⁴³.

Успехи в развитии логики также достойны упоминания в историко-философском контексте. Проводились критические исследования, создавались оригинальные концепции, которые преподавались в рамках образовательных академических философских курсов. Всё это позволяет с полной уверенностью говорить о существовании самобытной школы, в данном случае – логико-гносеологической, в Санкт-Петербургской духовной академии. Многие факты остаются открытыми для исследования и осмысления ещё сегодня, но основные тенденции нам уже понятны. Необходимы дальнейшие исследования русской академической философии для более полного понимания её исторического и научного значения.

Библиографический список

1. Асмус, В.Ф. Логика / В.Ф. Асмус. – М.: Госполитиздат (ОГИЗ), 1947. – 387 с.
2. Бажанов, В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии / В.А. Бажанов. – М.: Канон+, 2007. – 336 с.
3. Зеньковский, В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1 / В.В. Зеньковский. – Л.: Эго, 1991. – 279 с.
4. Каринский, М.И. Классификация выводов / М.И. Каринский // Избранные труды русских логиков XIX века / Под ред. П.В. Таванец. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 3–177.
5. Каринский, М.И. Об истинах самоочевидных / М.И. Каринский // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1893. – № 285. – С. 295–354; № 286. – С. 450–498; № 288. – С. 431–516.
6. Каринский, М.И. Явление и действительность / М.И. Каринский // Православное обозрение. – 1878. – Апрель. – С. 659–704.
7. Миртов, Д.П. М.И. Каринский и его философские воззрения / Д.П. Миртов // Мысль и слово (Филос. ежег. под ред. Г.Г. Шпета 1918–1921 гг.). Т. 2. – М., 1918. – 75 с.
8. Пишун, С.В. Православный философский теизм (XIX – начала XX веков) / С.В. Пишун, И.В. Гунькин, В.Ю. Пинчук, А.Г. Сахатский. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – 196 с.
9. Радлов, Э.Л. Каринский. Творец русской критической философии / Э.Л. Радлов. – Пг., 1917. – 19 с.
10. Светилин, А.Е. Логика. Обозрение индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки: Логика Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. М. Владиславлева. Сиб. 1872 г. / А.Е. Светилин // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1874. – Август. – С. 284–298.
11. Светилин, А.Е. Учебник формальной логики / А.Е. Светилин. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1871. – 219 с.
12. Чубаров, И.М. Антология феноменологической философии в России. Т. I / И.М. Чубаров. – М.: Издательство Логос, 1998. – 512 с.

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л., 1991. С. 15–16.

² Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М., 2007. С. 33–68; Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. СПб., 2003. 916 с.

³ Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в. М., 2002. 333 с.

⁴ Шевцов А.В. Философские воззрения М.И. Каринского: дис. канд. филос. наук: 09.00.03; МАИ. М., 2014. 189 с.

⁵ Пишун С.В. Природа философского знания в интерпретации Санкт-Петербургской школы духовно-академического теизма. Взгляд Ф.Ф. Сидонского и В.Н. Карпова // Религиоведение. 2013. № 3. С. 131–137; Пишун С.В. Психогносеологическая концепция эмпириокритицизма и ее критика в православном духовно-академическом теизме начала XX в. // Религиоведение. 2009. № 1. С. 121–129; Пишун С.В. Немецкие профессора у истоков преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии в начале XIX в. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 1. С. 22–26; Пишун С.В. Антропология русского духовно-академического теизма XIX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2009. № 3. С. 86–91; Пишун С.В., Гунькин И.В., Пинчук В.Ю., Сахатский А.Г. Православный философский теизм (XIX – начала XX веков). Владивосток, 2006. 196 с.; Гунькин И.В. Онтология в русском духовно-академическом теизме XIX века: дис. канд. филос. наук: 09.00.03; УГПИ. Усурийск, 2006. 188 с.; Леонидов Д.В. Гносеология в духовно-академическом теизме XIX века: дис. канд. филос. наук: 09.00.03; УГПИ. Усурийск, 2003. 151 с.

⁶ Введенский А.И. О Канте действительном и воображаемом. Комментарии к «Критике чистого разума» (По поводу книги г. Каринского «Об истинах самоочевидных»). М., 1895. 40 с.; Миртов Д.П. М.И. Каринский и его философские воззрения // Мысль и слово (Филос. ежег. под ред. Г.Г. Шпета 1918–1921 гг.). Т. 2. М., 1918. 75 с.; Радлов Э.Л. Каринский. Творец русской критической философии. Пг., 1917. 19 с.; Серебренников В.С. Новая книга о философии Канта // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 23. С. 409–423; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994. 480 с.

⁷ Асмус В.Ф. Логика. М., 1947. 387 с.; Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М., 2007. 336 с.; Бирюков Б.В., Бирюкова Л.Г. Александр Ив. Введенский как логик // Логические исследования. Вып. 17. М.; СПб., 2011. С. 33–68. С. 33–68; Войшвилло Е.К. О книге «Логика» проф. В.Ф. Асмуса // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 326–334; Поварнин С.И. Логика отношений. Ее сущность и значение. Пг., 1917. 144 с.; Попов П.С. О курсе логики М.И. Каринского // Вопросы философии. 1947. № 2. С. 386–387; Стяжкин Н.И., Силаков В.Д. Теория логики М.И. Каринского // Краткий очерк истории общей и математической логики в России. М., 1962. С. 26–31; Таванец П.В. Классификация суждений М.И. Каринского, Гл. V. 4 // Суждение и его виды. М., 1953. С. 166–174.

- ⁸ Никольский А. Русская духовно-академическая философия, как предшественница славянофильства и университетской философии в России // Вера и разум. 1907. № 4. С. 489.
- ⁹ Пишун С.В. Немецкие профессора у истоков преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии в начале XIX в. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 1. С. 26.
- ¹⁰ Светилин А.Е. Учебник формальной логики. СПб., 1871. С. III.
- ¹¹ Там же. С. VI.
- ¹² Там же. С. 1.
- ¹³ Там же. С. 2.
- ¹⁴ Светилин А.Е. Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки: Логика Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. М. Владиславлева. Сиб. 1872 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1874. Август. С. 284.
- ¹⁵ Там же. С. 285.
- ¹⁶ Там же. С. 289.
- ¹⁷ Там же. С. 290.
- ¹⁸ Светилин А.Е. Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приёмов мышления и исторические очерки: Логика Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. М. Владиславлева. Сиб. 1872 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1874. Октябрь. С. 211.
- ¹⁹ Там же. С. 217.
- ²⁰ Там же. С. 218.
- ²¹ Светилин А.Е. По поводу «Ответа» г. Владиславлева // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1875. Май. С. 175.
- ²² Миртов Д.П. Студенческие записки лекций профессора Каринского по истории философии. СПб., 1896–1897. С. 52.
- ²³ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / Под ред. П.В. Таванец. М., 1956. С. 14.
- ²⁴ Каринский М.И. Явление и действительность // Православное обозрение. 1878. Март. С. 677–680.
- ²⁵ Каринский М.И. Об истинах самоочевидных // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1893. № 285. С. 295–354; № 286. С. 450–498; № 288. С. 431–516.
- ²⁶ Каринский М.И. Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873. Ч. 1. С. 99.
- ²⁷ Каринский М.И. К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875. № 10 (октябрь). С. 29.
- ²⁸ Каринский М.И. Явление и действительность // Православное обозрение. 1878. Апрель. С. 660.
- ²⁹ Там же. С. 659.
- ³⁰ Там же. С. 659.
- ³¹ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / Под ред. П.В. Таванец. М., 1956. С. 5.
- ³² Радлов Э.Л. Ученая деятельность профессора М.И. Каринского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1895. Февраль. С. 423; Декабрь. С. 281–308.
- ³³ Каринский М.И. Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века / Под ред. П.В. Таванец. М., 1956. С. 5.
- ³⁴ Там же. С. 5.
- ³⁵ Там же. С. 7.
- ³⁶ Там же. С. 8.
- ³⁷ Там же. С. 176.
- ³⁸ Чубаров И.М. Антология феноменологической философии в России. Т. I. М., 1998. С. 18–52.
- ³⁹ Каринский М.И. Отрывок из литографированного издания «Логика» // Избранные труды русских логиков XIX века / Под ред. П.В. Таванец. М., 1956. С. 181.
- ⁴⁰ Там же. С. 184.
- ⁴¹ Там же. С. 181.
- ⁴² Таванец П.В., Горский Д.П. Логика. М., 1956. С. 27.
- ⁴³ Пишун С.В. Психогносеологическая концепция эмпириокритицизма и ее критика в православном духовно-академическом теизме начала XX в. // Религиоведение. 2009. № 1. С. 128.

References

1. Zen'kovsky V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of the Russian Philosophy]. Leningrad, izdatel'stvo Jeko, 1991, vol. I., part 1, 279 p.
2. Bazhanov V.A. *Istoriya logiki v Rossii i SSSR. Kontseptual'ny kontekst universitetskoy filosofii* [History of Logic in Russia and in USSR. The Conceptual Context of University Philosophy]. Moscow, Kanon+, 2007, 336 p.
3. Biryukov B.V., Biryukova L.G. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Moscow, Saint Petersburg, CGI, 2011, no. 17, pp. 33–68.
4. Pustarnakov V.F. *Universitetskaya filosofiya v Rossii* [University Philosophy in Russia]. Saint Petersburg, RHGI, 2003, 916 p.

5. Tsvyk I.V. *Dukhovno-akademicheskaya filosofiya v Rossii XIX v.* [Spiritual and Academic Philosophy of the 19th Century in Russia]. Moscow, RUDN, 2002, 333 p.
6. Shevtsov A.V. *Filosofskie vozzreniya M.I. Karinskogo. Diss. kand. filos. nauk* [Philosophy of M.I. Karinsky. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Moscow, MAI, 2014, 189 p.
7. Pishun S.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2013, no. 3, pp. 131–137.
8. Pishun S.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2009, no. 1, pp. 121–129.
9. Pishun S.V. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Humanities And Social Studies in the Far East]. Khabarovsk, DGUPS, 2004, no. 1, pp. 22–26.
10. Pishun S.V. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Humanities And Social Studies in the Far East]. Khabarovsk, DGUPS, 2004, no. 1, pp. 86–91.
11. Pishun S.V., Gun'kin I.V., Pinchuk V.Yu., Sahatsky A.G. *Pravoslavny filosofskiy teizm (XIX – nachala XX vekov)* [Orthodox Philosophical Theism (19th – 20th Centuries)]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2006, 196 p.
12. Gun'kin I.V. *Ontologiya v russkom dukhovno-akademicheskome teizme XIX veka. Diss. kand. filos. nauk* [Ontology in Russian spiritually-academic theism of XIX century. Ph.D. thesis in Philosophy]. Ussuriysk, UGPI, 2006, 188 p.
13. Leonidov D.V. *Gnoseologiya v dukhovno-akademicheskome teizme XIX veka, Diss. kand. filos. nauk* [Epistemology in Spiritual and Academic Theism of the 19th century. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Ussuriysk, UGPI, 2003, 151 p.
14. Vvedensky A.I. *O Kante deistvitel'nom i voobrazhaemom. Kommentarii k «Kritike chistogo razuma» (Po povodu knigi g. Karinskogo «Ob istinakh samoochevidnykh»)* [Kant Real and Imaginary. The Comments to the «Critique of Pure Reason» (about the Book by Karinsky «On the Self-Evident Truths»)]. Moscow, Tipolitograficheskoe tovarishhestvo I.N. Kushnerev i Ko, 1895, 40 p.
15. Mirtov D.P. *Mysl' i slovo (Filos. ezheg. pod red. G.G. Shpeta 1918–1921 gg., T. 2)* [Thought and word (Philosophical Yearbook Edited by G. Shpet, 1918–1921, vol. 2)]. Moscow, 1918, 75 p.
16. Radlov E.L. *Karinsky. Tvorets russkoy kriticheskoy filosofii* [Karinsky. Creator of the Russian Critical Philosophy]. Petrograd, 1917, 19 p.
17. Serebrennikov V.S. *Voprosy filosofii i psikhologii* [The Issues of Philosophy and Psychology]. Moscow, 1894, vol. 23, pp. 409–423.
18. Lossky N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1994, 480 p.
19. Asmus V.F. *Logika* [Logic]. Moscow, Gospolitizdat (OGIZ), 1947, 387 p.
20. Bazhanov V.A. *Istoriya logiki v Rossii i SSSR. Kontseptual'ny kontekst universitetskoy filosofii* [History of Logic in Russia and in USSR. The Conceptual Context of University Philosophy]. Moscow, Kanon+, 2007, 336 p.
21. Biryukov B.V., Biryukova L.G. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Moscow, Saint Petersburg, CGI, 2011, no. 17, pp. 33–68.
22. Voishvillo E.K. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy]. Moscow, 1947, no. 2, pp. 326–334.
23. Povarnin S.I. *Logika otnosheniy. Ee sushchnost' i znachenie* [Logic of Relations. Essence and Meaning]. Petrograd, Izd-vo O.V. Bogdanovoy, 1917, 144 p.
24. Popov P.S. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy]. Moscow, 1947, no. 2, pp. 386–387.
25. Styazhkin N.I., Silakov V.D. *Kratky ocherk istorii obshhey i matematicheskoy logiki v Rossii* [A Brief History of General and Mathematical Logic in Russia]. Moscow, Izd-vo Vysshaya shkola, 1962, pp. 26–31.
26. Tavanets P.V. *Suzhdenie i ego vidy* [Judgment and Its Kinds]. Moscow, 1953, chapter V. 4, pp. 166–174.
27. Nikol'sky A. *Vera i razum* [Faith and Reason]. Kharkov, 1907, no. 4, pp. 487–508.
28. Pishun S.V. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Humanities And Social Studies in the Far East]. Khabarovsk, DGUPS, 2004, no. 1, pp. 22–26.
29. Svetilin A.E. *Uchebnik formal'noy logiki* [Formal Logic Textbook]. St. Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 1871, 219 p.
30. Svetilin A.E. *Uchebnik formal'noy logiki* [Formal Logic Textbook]. St. Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 1871, 219 p.
31. Svetilin A.E. *Uchebnik formal'noy logiki* [Formal Logic Textbook]. St. Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 1871, 219 p.
32. Svetilin A.E. *Uchebnik formal'noy logiki* [Formal Logic Textbook]. St. Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 1871, 219 p.
33. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, August 1874, pp. 284–298.
34. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, August 1874, pp. 284–298.
35. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, August 1874, pp. 284–298.
36. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, August 1874, pp. 284–298.
37. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, October 1874, pp. 211–252.
38. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, October 1874, pp. 211–252.
39. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, October 1874, pp. 211–252.

40. Svetilin A.E. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, May 1875, pp. 175–239.
41. Mirtov D.P. *Studencheskie zapiski lektsiy prof. Karinskogo po istorii filosofii* [The Student Lecture Notes of Professor Karinsky on the History of Philosophy.]. Saint Petersburg, 1896–1897.
42. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
43. Karinsky M.I. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. Moscow, March 1878, pp. 677–680.
44. Karinsky M.I. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. Saint Petersburg, 1893, no. 285, pp. 295–354.
45. Karinsky M.I. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. Saint Petersburg, 1893, no. 286, pp. 450–498.
46. Karinsky M.I. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. Saint Petersburg, 1893, no. 288, pp. 431–516.
47. Karinsky M.I. *Kriticheskiy obzor poslednego perioda germanskoy filosofii* [A Critical Review of the Last Period of German Philosophy]. Saint Petersburg, 1873, 333 p.
48. Karinsky M.I. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. Moscow, October 1875, no. 10, pp. 345–375.
49. Karinsky M.I. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. Moscow, April 1878, pp. 659–704.
50. Karinsky M.I. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. Moscow, April 1878, pp. 659–704.
51. Karinsky M.I. *Pravoslavnoe obozrenie* [Orthodox Review]. Moscow, April 1878, pp. 659–704.
52. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
53. Radlov E.L. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, February 1895, pp. 406–429.
54. Radlov E.L. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. Saint Petersburg, December 1895, pp. 281–308.
55. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
56. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
57. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
58. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
59. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 3–177.
60. Chubarov I.M. *Antologiya fenomenologicheskoy filosofii v Rossii* [Anthology of Phenomenological Philosophy in Russia], Moscow, Izdatel'stvo Logos, 1998, vol. 1, 512 p.
61. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 179–192.
62. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 179–192.
63. Karinsky M.I. *Izbrannye trudy russkikh logikov XIX veka* [The Selected Works of Russian Logicians of the 19th Century]. Moscow, AN SSSR, 1956, pp. 179–192.
64. Tavanets P.V., Gorsky D.P. *Logika* [Logic]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1956, 280 p.
65. Pishun S.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2009, no. 1, pp. 121–129.